

помощника Академии в издании бумаг Порфирия Успенского и основоположника журнала «Византийский временник», когда его коллеги, в том числе Никитин, представили к званию адъюнкта. На сетования Регеля ему объясняли, что беда в том, что его фамилия Регель, а не Линейкин (Regel по-немецки «линейка»)¹⁹¹. Даже хранитель Азиатского музея, египтолог с европейским именем О. Э. фон Лемм, не говоривший по-русски, мог претендовать в это время только на звание члена-корреспондента. «Немцы» в ответ обижались на академические порядки и обвиняли Академию в кумовстве и нетерпимости¹⁹².

За два года до начала Первой мировой войны, в 1912 г., С. Ф. Ольденбург поздравил вел. кн. Константина Константиновича с тем, что за 23 года его президентства «Академия стала Русской Академией, и самые злые ее недоброжелатели этого не решатся отрицать»¹⁹³.

Отделение русского языка и словесности

Из трех отделений Академии Константин Константинович отдавал явное предпочтение Отделению русского языка и словесности, которые сами академики кратко называли Русским отделением. В 1887 г. по представлению именно этого отделения он был избран почетным академиком. Присоединение в 1841 г. к Академии наук Российской Академии в виде особого Отделения русского языка и словесности (ОРЯС, II-е отделение) в составе 16 ординарных академиков и 4 адъюнктов изменило в Академии наук соотношение сил в пользу гуманитариев. ОРЯС с самого начала, 1841 г., занимало в Академии наук особое положение, у него были свои традиции и взгляды, оно имело своего собственного председателя и свое «Положение»¹⁹⁴. Члены отделения не чувствовали себя вполне равноправ-

---

¹⁹¹ *Медведев И. П.* В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // АРВ. С. 157. Прибалтийский немец и протестант Регель только в 1905 г., после десятилетнего руководства журналом, был наконец утвержден на заседании ИФО единоличным редактором «православного» журнала «Византийский временник», по докладу Никитина, «за неимением в составе Академии специалистов по Византии».

¹⁹² За прямолинейность своих взглядов на чистоту русской науки великий князь Константин Константинович был даже поставлен некоторыми исследователями в один ряд с В. М. Пурешкевичем, «столь же рьяно борющимся за чистоту русской нации»: *Романовский С. И.* «Обрусение» российской науки как национальная проблема // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 56. Как показали события Первой мировой войны, это обидное сравнение было в высшей степени несправедливо (см. ниже).

¹⁹³ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 79 об.–80. Письмо С. Ф. Ольденбурга Константину Константиновичу от 16.10.1912 г.

¹⁹⁴ Положение об Отделении русского языка и словесности при Императорской Академии наук. § 26 // История Академии наук СССР. 1803–1917. С. 709–710.

ными членами Академии, но несмотря на это противились согласованию общего академического устава с положением о II-м отделении.

В 1888 г. в отделение входили 6 членов, и среди них были добрые знакомые Константина Константиновича: председательствующий в отделении с 1866 г. на правах старейшего академика Я. К. Грот, преподаватель вел. кн. Николая Александровича и будущего императора Александра III, и брат поэтического кумира К. Р. Аполлона Майкова — Л. Н. Майков.

Яков Карлович Грот (1812–1893) — немец по происхождению, но по воспитанию и языку совершенно русский, воспитанник Царскосельского лицея. Ординарный академик с 1855 г., Грот был в полном смысле слова a self-made man. Любимой областью его научных интересов была русская филология; его работа «Русское правописание» (1885 г.) оказала большую услугу отечественной школе, и самые широкие слои русского общества знали, что значит «писать по Гроту». В области истории русской литературы особое место занимает подготовленное им собрание сочинений Г. Р. Державина (1864–1883. Т. 1–9). С лицейских времен Грот испытывал настоящее благоговение перед Пушкиным, и к пятидесятилетию со дня его смерти (1887 г.) он объединил свои работы в сборник «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники».

Последние годы своей жизни Грот посвятил преимущественно работам по «Словарю русского языка». За составление словаря ОРЯС взялось вскоре после появления в 1847 г. «Словаря церковнославянского и русского языка» с целью его дополнить, но по разным причинам этот труд часто прерывался и наконец был отложен. В 1890-е гг. отделение решило ограничиться только русским языком, и издание было совершенно переработано под редакцией Грота. В работе над словарем принимала участие вся Академия. Черновую работу по сбору материала вели молодые ученые, корректурные листы раздавались для обсуждения членам ОРЯС и членам двух других отделений, чтобы они вносили поправки каждый по своей специальности. Постоянное участие в работе над словарем принимал Никитин. Заседания отделения любил посещать Константин Константинович, ему импонировала царившая на них непринужденность и простота, где дело доходило до определений такого рода: «допиться — пить до каких-либо неприятных последствий»¹⁹⁵.

¹⁹⁵ Письмо К. Р. Л. Н. Майкову от 6. 18. 10. 1895. Опубл.: К. Р. Избранная переписка. С. 489. В окончательном виде статья вошла в словарь так: «Допиваться, допиться — неумеренным употреблением крепких напитков доводить себя до болезненного состояния»: Словарь русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. I. А-Д. С. 1119. В 1895 г. Константин Константинович переписал «Евгения Онегина» на графленную бумагу, по одному слову в каждую клетку, потом разрезал бумагу и получил четырехугольники с одним словом на каждой клетке. Таким образом он хотел помочь соста-

С первых шагов своей деятельности в Академии Константин Константинович был поглощен идеей об издании полного собрания сочинений А. С. Пушкина. В 1889 г. этот огромный труд взял на себя *Леонид Николаевич Майков* (1838–1900), который к этому времени завершил (совместно с В. И. Саитовым) издание трехтомного собрания сочинений К. Н. Батюшкова с монографией о нем (1885–1887), отмеченное полной Пушкинской премией. К столетнему юбилею Пушкина, незадолго до смерти Майкова, вышел в свет первый том фундаментального издания сочинений поэта¹⁹⁶.

По поручению отделения Константин Константинович составлял отзывы о литературных произведениях, представляемых на соискание премии имени А. С. Пушкина. В 1915 г. все свои отзывы он собрал вместе и издал отдельной книгой. О некоторой ограниченности художественного вкуса К. Р. говорит, например, данный им в 1909 г. отзыв о стихотворениях И. Бунина, которые, по его мнению, не могли быть «увенчаны Пушкинской премией, но заслуживали почетного отзыва»¹⁹⁷. Рецензент приводит стихотворение Бунина «Одиночество», чтобы показать, что «реализм иногда оказывает автору и плохие услуги, доводя чуть ли не до цинизма». В укор автору К. Р. ставит неясное, туманное изложение мысли. «Есть у него стихотворения, — пишет К. Р., — над которыми ломаешь голову, как над ребусом: прочтешь, перечтешь, силясь угадать смысл и так и остаешься в недоумении. Вот, например, из четвертого тома:

Неугасимая лампада
Она молчит, она теперь спокойна,
Но жизнь уж не вернется к ней: в тот день,
Когда его могилу закидали
Сырой землей, она простилась с жизнью.
Она молчит, — ее душа теперь
Пуста, как намогильная часовня,
Где над немой гробницей день и ночь
Горит неугасимая лампада.

вить большой словарь нашей изящной словесности; тогда по его мнению, и дело Академического словаря пошло бы скорее и успешнее, потому что решились бы затруднения, какие слова включать в словарь, а какие нет: *Вострышев М. И.* Августейшее семейство. С. 168. Константин Константинович порой довольствовался легким решением трудных научных вопросов и недоумевал, «как сильно у нас развита приверженность к теоретическим познаниям: детям чернорабочих внушают понятие о подлежащем, сказуемом, вводном предложении и т. п. И к чему им это?»: Там же. С. 215 (запись сделана 4.03.1896).

¹⁹⁶ См.: Сочинения Пушкина / Изд. Имп. Академии наук подготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. СПб., 1893. Т. 1. Лирические стихотворения (1812–1817).

¹⁹⁷ К. Р. Отзыв о стихотворениях И. Бунина (Из отчета о восемнадцатом присуждении премий имени А. С. Пушкина в 1909 г.) // К. Р. Критические отзывы. Пг., 1915. С. 310.

По-видимому, речь идет о *нем* и о *ней*; кажется, они умерли в один день — *она* не пережила *его*. Все это очень может быть. Но почему теперь душа ее пуста? И причем тут неугасимая лампада, украшающая собой и заглавие стихотворения?»¹⁹⁸ Поэзия серебряного века не была близка К. Р., который привык к большей прямолинейности в выражении чувств, и все же поэтическое чутье могло бы ему подсказать, что это стихотворение посвящено скорби.

* * *

Константин Константинович был одним из инициаторов всенародного чествования Пушкина и возглавил специальную комиссию по проведению юбилейных торжеств¹⁹⁹. К столетию со дня рождения Пушкина был объявлен конкурс на лучшую кантату в честь великого поэта. 26 мая 1899 г. Академия наук устроила торжественное заседание, на котором впервые была исполнена кантата в честь Пушкина на стихи К. Р. и музыку А. К. Глазунова.

В юбилейный год Константин Константинович добился создания Пушкинского отделения, как он его называл²⁰⁰. 29 апреля 1899 г. вышел указ о создании в составе ОРЯС Разряда изящной словесности. С учреждением Разряда изящной словесности в Академии наук гуманитарные науки заняли главенствующее положение: в ОРЯС появились 6 новых кафедр ординарных академиков, которые наравне с учеными могли занять писатели и

---

¹⁹⁸ Там же. С. 288–289.

¹⁹⁹ В преддверии юбилея был основан Пушкинский фонд, который ставил перед собой задачу издания произведений русских писателей, словаря русского языка и трудов ОРЯС. Был объявлен конкурс на создание проекта памятника поэту в Петербурге, и начался сбор средств по подписке на сооружение памятника. Тогда же было приобретено в казну имение Пушкиных — село Михайловское, могила Пушкина была реставрирована и взята под охрану государства. Академия наук устроила у себя юбилейную Пушкинскую выставку. В 1891 г. Константин Константинович содействовал передаче в распоряжение Академии Остафьевского архива князей Вяземских, ценнейшего источника по истории русской литературы начала XIX в. Начало комментированного издания материалов архива было также приурочено к столетию со дня рождения Пушкина и осуществлено гр. С. Д. Шереметевым (Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899–1909. Т. 1–5).

²⁰⁰ ПСЗ. Собр. третье. Т. XIX. С. 375–376. Впервые эта мысль была высказана С. Ю. Витте на заседании комиссии по проведению юбилейных торжеств: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук за 1899 г., составленный академиком А. А. Шахматовым. СПб., 1901. С. 12. Константин Константинович записал в своем дневнике: «Заседание Пушкинской комиссии в полном ее составе. Присутствовал и Витте. Он оказался смелее нас всех и для увековечивания памяти поэта предложил учредить при Академии наук особое Пушкинское отделение по изящной словесности. Это будет возвращение к прежней Российской Академии»: ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 46. Л. 4 об. Запись 10.01.1899.

художники. Учреждением нового разряда Константин Константинович мечтал возродить Российскую Академию, членом которой был Пушкин. Вместе с тем он видел в этом реальную возможность сблизить ученых с русским художественным миром²⁰¹.

Это нововведение не вызвало сочувствия в академической среде. По мнению членов ОРЯС, представители изящной словесности не могли принести пользы отделению, потому что они не обладали научными знаниями, необходимыми для члена Академии. Как выразился на заседании отделения 16 октября 1899 г. А. Н. Пыпин, «Академия есть Академия наук, и ее Русское отделение точно также посвящает свои труды науке о русском языке и словесности»²⁰². Эту мысль лаконично выразил М. И. Сухомлинов: «Академик в Академии хозяин, писатель — гость»²⁰³.

Члены ОРЯС предложили выделить вновь избираемых литераторов в особую группу и дать им наименование почетных академиков. Это пожелание академиков было учтено в дополнительном правительственном указе от 23 декабря 1899 г., согласно которому к ОРЯС был присоединен в одно нераздельное целое Разряд изящной словесности, который составляли: 1) избираемые в действительные члены Академии писатели-художники и ученые исследователи в области языка и словесности и 2) почетные академики и корреспонденты Отделения по Разряду изящной словесности²⁰⁴. В почетные члены избирались писатели, художники и литературные критики.

По поводу этих поправок А. П. Чехов писал А. С. Суворину: «Насчет академиков Вы недостаточно осведомлены. Действительных академиков из писателей не будет. Писателей-художников будут делать почетными академиками, архи-академиками, но просто академиками никогда, или не скоро. Они никогда не введут в свой ковчег людей, которых они не знают

---

²⁰¹ Как показало будущее, это не привело ни к чему хорошему. См. об этом ниже, раздел «Выборы 1902 г. в Разряд изящной словесности».

²⁰² Извлечения из протоколов заседаний Отделения русского языка и словесности за 1899 г. // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1901. Т. 69. С. XI.

²⁰³ ПФА РАН. Ф. 101. Оп. 1. Д. 58. Л. 2. [Сухомлинов М. И.]. О разности между академиком и писателем. «Писатель в сочинении судит красоту мыслей, академик красоту и правдивость. Писатель читает, академик толкует... Писатель гонится за легкостью слога и слов; академик не отвергает сего в басенках и сказочках, но в важном сочинении любит полновесные, знаменательные слова; он не по тяжести или легкости произношения их, но по силе, какой поражают они разум, судит о них, и говорит: тяжелые слова со смыслом лучше легких без смысла. Писатель гремит, блесит, поражает, удивляет, академик учит. Писатель горяч, академик хладнокровен. Академик в Академии хозяин, писатель-гость».

²⁰⁴ ПСЗ. Собр. третье. Т. XIX. С. 1247–1248.

и которым не верят. Скажите, для чего нужно было придумывать звание почетного академика»²⁰⁵. В начале 1900 г. ОРЯС умножило свой состав несколькими заслуженными представителями русской филологии, славяноведения и истории искусства: новые вакансии заняли В. И. Ламанский, Ф. Е. Корш и Н. П. Кондаков²⁰⁶.

Развивая постановление о почетных академиках, отделение сначала установило число их в 12. Первые выборы состоялись 8 января 1900 г., когда были избраны К. Р., Л. Н. Толстой, А. П. Чехов²⁰⁷, В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, А. А. Потехин, А. М. Жемчужников, гр. А. А. Голенищев-Кутузов, философ В. С. Соловьев (умер в 1900 г.). Следующие выборы прошли 1 декабря 1900 г., и в члены разряда были избраны публицист и критик К. К. Арсеньев, писатель Н. Д. Боборыкин, критик-искусствовед В. В. Стасов, этнограф С. В. Максимов (умер в 1901 г.).

В год пушкинского юбилея началось обсуждение проекта создания специального учреждения, посвященного изучению жизни и творчества Пушкина, и в 1905 г. возник Пушкинский дом, который первоначально занимал несколько комнат в главном здании Академии наук, между малым и большим конференц-залами (здесь застал Пушкинский дом А. Блок, посвятивший в 1921 г. ему свое стихотворение-приветствие); Пушкинский дом несколько раз переезжал, пока наконец в 1927 г. не получил свое нынешнее помещение в здании Таможни на Тучковой набережной²⁰⁸.

Перемена вице-президентов

Неудивительно, что именно в Русском отделении Константин Константинович подбирал себе и товарищей по управлению Академией. Когда через несколько месяцев после его назначения в отставку попросился 85-летний вице-президент В. Я. Буныковский, президент не стал его удерживать и без

---

²⁰⁵ Письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 23.01.1900. Опубл.: *Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. М., 1980. Т. 9. С. 23–24.*

²⁰⁶ Кондаков вскоре после выборов написал Чехову о планах ОРЯС, и тот пересказал его письмо Суворину: «Отделение порешило пока не выбирать на три остающиеся кресла, и думает он, что он лично не дожидется, когда кончится это „пока“. И о выборе Кондакова официального извещения не было, очевидно, скрывают, чтобы не волновать гг. литераторов»: Письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 10.03.1900. // Там же. С. 71.

²⁰⁷ Чехов пророчески писал по поводу своего избрания: «Званию академика рад, потому что мне теперь завидует Сигма. Но еще более буду рад, когда утеряю это звание после какого-нибудь недоразумения. А недоразумение произойдет непременно, так как ученые академики очень боятся, что мы будем их шокировать. Толстого выбрали скрепя сердце. Он, по-тамошнему, нигилист»: Письмо А. П. Чехова М. О. Меньшикову от 28.01.1900. // Там же. С. 30–31.

²⁰⁸ Подробнее см.: *Баскаков В. Н. Пушкинский дом. Л., 1988.*